

Долгое прощание

Женские судьбы

Георгий КАЮРОВ

Георгий КАЮРОВ

Долгое прощание

«ЛитРес: Самиздат»

2017

КАЮРОВ Г. А.

Долгое прощание / Г. А. КАЮРОВ — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник рассказов о женских судьбах.

© КАЮРОВ Г. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Долгое прощание

Рассказ

Три года назад семья Можайских переселилась в пригород столицы и напрочь выпала из светской жизни, которую блестяще вела почти двадцать лет.

Леонид Михайлович Можайский продолжал в городе адвокатскую практику, и для этого его автомобиль каждый день проделывал путь до делового центра столицы, где располагался офис районной адвокатской конторы. По дороге он отвозил детей – дочь Татьяну в лицей А.С.Пушкина, она перешла в одиннадцатый класс, а сына Михаила – в строительный колледж. Вечером они собирались, чтобы вместе вернуться домой. К этим незначительным неудобствам члены семьи отнеслись, как к должному.

Замкнуться и переехать из города в посёлок заставили Можайских трагические обстоятельства – у Леонида Михайловича умирала жена Люся – Людмила Ивановна. В состоянии ожидания скорой кончины родного человека семья жила третий год.

Особенно жутко бывало по ночам. Больная сильно кашляла, задыхалась захлёбываясь мокротой. Если никто из родных не поспевал, то она пыталась сама достать стакан с отваром из ореховой кожуры, приготовленный с вечера, и чаще всего опрокидывала его, и тогда, на стук покотившегося стекла, домашние спохватывались. Тревожная ночь затягивалась сонными бреднями – это были надрывные вскрики и бессвязные слоги. Больная бессознательно подрывалась на локтях и так опасно изгибалась, что домочадцы опасались, как бы она не свалилась с кровати. В такие минуты надо было находиться рядом, а это разорванная бессонная ночь.

Сегодня Леонид Михайлович вернулся домой раньше обычного. Как ни старался он тихо передвигаться, чтобы подольше его возвращение оставалось незамеченным, но чуткий слух супруги уловил присутствие стороннего.

– Лёня! Это ты? – позвал её сиплый голос и сорвался на кашель.

Можайский представил, как жена сейчас тянется к отвару, и решил сразу не отвечать, выгадывая лишние минуты, собраться с мыслями и придумать, как объяснить своё раннее возвращение. Он с утра отложил все дела и по приглашению врачей отправился на консилиум. Профессор тягуче говорил, перелистывая Люсину медицинскую карту и закладывая обратно выпадающие листки из увесистой, сшитой грубой ниткой, истории болезни. Вердикт был однозначным: «Надо готовиться к самому худшему. Конец может наступить в любой день».

– Вы можете, попробовать вывезти её на природу, – профессор даже не назвал Люсиного имени, словно говорил уже о трупе, и, долгим взглядом уставившись в окно, задумчиво закончил. – На Днестр, в Кодры. Кислородный удар, пожалуй, продлит её дни.

Можайский слушал спокойно, только побледнел. Его разозлило то, что профессор безмянно говорил о близком ему человеке, но всё, на что хватило злости – сжать желваки, удерживая слёзы.

– Дети смогут пообщаться с матерью. И вы будете ближе, – как только мог, смягчил свой тон профессор, и, вставая, как бы извиняясь, положил руку на плечо Можайского. – Мы сделали всё, что могли.

Не откладывая, Леонид Михайлович отправился к знакомому леснику Пантелеевичу и договорился арендовать у него дом в Кодрах. Лесник, старый приятель их семьи, даже обрадовался, но, узнав причину, зло выругался.

– Чёртова карга! Косит народ! – и рубанул воздух мозолистой ладонью, показывая – денег не возьмёт. – Живите так. Только живите.

Вернувшись на работу, Можайский походил по кабинету взад-вперёд и вдруг заспешил домой. На улице он столкнулся с дворником Серёжей и даже пожал ему руку на прощание, что никогда такого не делал.

– Люсенька, как ты? – как можно бодрее вошёл он к жене в комнату.

Людмила Ивановна, облокотившаяся спиной о подушки, держала в руках стакан с чёрного цвета отваром. Этот отвар посоветовала знакомая врач. Отвратительный на вкус, но Люся стойко пила его и даже видела пользу. На маленьком столике лежала грудa лекарств. Блики от цветных пластиковых упаковок отсвечивали разноцветом на худом лице больной с обострившимися чертами и носом и сбившимися русыми волосами. В Люсиной комнате стоял спёртый воздух, пропитанный медикаментами.

– Люсенька, я вот, что хотел тебе сказать, – неуверенно начал он, пододвигая стул к кровати и располагаясь рядом с женой.

Людмила Ивановна приготовилась выслушать, опустив голову и едва заметно дёрнув губами в улыбке, словно хотела сказать: «Потерпите ещё чуть-чуть. Скоро всё будет кончено...»

– По совету врачей мы переедем на лето в лес, – Можайский снова умолк, собираясь с мыслями. – Сегодня я ездил к Пантелеичу и договорился арендовать у него дом. Там вокруг так здорово! Сосновые деревья, свежий воздух, птицы поют на разные голоса. Помнишь? Мы мечтали, пожить вместе в лесной тиши!

– Ты был у врача? – Людмила Ивановна встревожено уставилась на мужа.

– Почему был? – растерянно переспросил Можайский. Он оказался не готовым к такому прямому вопросу и не заготовил ответ. – Давно врачи говорили, было бы неплохо пожить тебе на природе.

Чтобы не продолжать лгать жене и тем, как он думал, не раздражать, Леонид Михайлович притворился, что не понял всей безнадёжности супружеского вопроса и своего положения, и, насколько мог, весёлым тоном рассказал об утреннем звонке Люсиной двоюродной сестры Екатерины.

– Ты представляешь, – с наигранной восторженностью воскликнул Можайский. – Она уже окончила четвёртый курс медицинского университета! Я пригласил её к нам в гости. Как ты к этому отнесёшься?

Чем дальше Леонид Михайлович говорил, тем яснее сознавал своё бессилие облегчить страдание жены и, более того, ему казалось, тем самым он сам приближал её конец. Замолчав, он ещё некоторое время сидел с устремлённым взглядом в пол, но когда поднял глаза, то увидел, как по впалой щеке Люси медленно сползала и потом повисла возле уголка рта крупная, блестящая слеза.

– Ну, что ты, дорогая моя? – Можайский взял супругу за руку и ткнулся в неё губами.

Людмила Ивановна погладила мужа по волосам, успев мизинцем смахнуть слезу, и та крупным пятном упала на простыню.

– Нет, ничего... От долгого лежания стали расшатываться нервы, – она поцеловала голову мужа. – Сама не знаю, часто думаю о тебе, о детях, как вы будете после меня жить. За себя мне почему-то не страшно, вот так, как не страшно опоздать на поезд, когда знаешь, билет тебе выдал врач...

– Какой врач? – встрепенулся Можайский, пристально вглядываясь в лицо жены. – Билеты на поезд выдаёт кассир.

– Хорошо, что у нас будет гостить Катя, – не обратив внимания на тревогу мужа, продолжила больная. – Это хорошо. Я уговорю её остаться на всё лето. Она славная, и в лесу с ней будет веселее. Тебе будет полегче... Ты, когда панируешь переехать?

– Учебный год закончится, и сразу соберёмся.

– Хорошо, – смиренно согласилась она. – Давай Катюшу дождёмся, и вместе с ней... мне будет легче собираться...

Людмила Ивановна хотела что-то ещё сказать, но приступ кашля не дал ей этого сделать. Женщина большим глотком отвара постаралась сбить приступ, но поперхнулась, покраснела,

и чёрная жидкость полилась у неё через нос. Едва сдерживаясь, она махнула рукой, выпроваживая мужа, и только закрылась за тем дверь, её горло продралось страшными рыками.

Зная по опыту, помочь жене ничем нельзя, Леонид Михайлович только постоял у двери, прислушиваясь к происходящему за ней, и дождавшись, когда всё успокоится, тихими шагами удалился.

Можайский направился в комнату к сыну. Потребность делиться с кем-либо мыслями и заботами всегда была у него особенно сильна. Говорить с женой обо всём уже давно не было возможным. Узнав однажды о том, что сын получил шестёрку по химии, Людмила Ивановна не спала всю ночь и представляла себе, как после её смерти сына выгонят из лица и он всю жизнь будет на базаре торговать пирожками. Несколько дней Люся выговаривала мужу и, как только сын возвращался домой, тут же принималась допытываться об его успеваемости. Эти допросы переживались домочадцами тяжелее всего – все боялись, чтобы Мишка случайно не проговорился, и тогда конец. Семья скрывала от Людмилы Ивановны то, что Мишку давно отчислили из лица за неуспеваемость, и он уже год ходит в колледж. Ситуация с Мишкиными оценками довела всех до такой истерики, то когда Мишка принёс снова шестёрку, все молчаливым согласием поддержали враньё сына матери. Леонид Михайлович за этим и пришёл к сыну и, притянув его голову, целуя в висок, тихо укорил:

– Что же ты сынок?

Можайский чувствовал, как с каждым днём шла на убыль духовная близость, установившаяся между ним и женой сразу же после свадьбы, и мучился этим ещё больше. Никогда бы он не позволил себе соврать, а тут увидел в сыновней лжи даже святое спасение.

Последнее время Можайскому приходилось многое скрывать от супруги, чтобы не раздражать её и не нервировать. Возможность приезда двоюродной сестры и планы жены уговорить её остаться на всё лето, вселили в Леонида Михайловича какую-то странную надежду.

Можайский относился к сильным натурам, но и он стал чувствовать, как вот-вот споткнётся. Он нуждался в отдыхе или хотя бы в передышке, и этой передышкой могла стать Екатерина.

«С приездом сестры супруги станет легче, всё-таки родственница, – размышлял он, готовясь ко сну. – Если удастся уговорить её пробыть всё лето, то вообще соберусь с силами и тогда с утроенной силой буду тянуть». Последние мысли осаждали пыл Леонида Михайловича. Он сел на разобранную постель и с силой потёр лоб. «Что тянуть? Куда тянуть? – запульсировали в висках вопросы. – Врачи сказали – всё кончено. Или со дня на день будет всё кончено. Годы, проведённые с Люсей, – это были счастливые годы или нет? Было разное, – терзал себя раздумьями Можайский. – Нам всего-то по тридцать девять. Люся была надёжным тылом все двадцать лет. Разве в расцвете лет человек должен умирать? Как пройдут следующие двадцать лет, уже без неё? Может, к чёрту всю эту природу! Какой ещё к чёрту кислородный удар? Если скоро умрёт, так пусть дома, а не где-то на природе!»

Леонид Михайлович выпил успокоительного, понимая, не сможет заснуть, и всё равно устало ворочался в постели. Он думал о Кате, ещё раз в мыслях, авансом поблагодарив её за то, что она, может быть, согласится остаться. Он силился мысленно нарисовать её выражение лица, но не удавалось. Ему то, казалось, глаза у неё голубые, то виделось – они чёрные. Зато её белые зубы и звонкий смех будто сейчас видел и слышал. Последний образ младшей сестры Люси он запомнил, когда та ещё училась в гимназии. Они семьёй гостили в деревне у родителей жены. Катя заканчивала девятый, выпускной класс, и очень разумно рассуждала о своём будущем. Леонид Михайлович тогда приметил в её взгляде какую-то излишнюю зрелость и отнёс это на счёт сельской практичности. Эта провинциальная девочка сделала, как и планировала – после девятого поступила в медицинский колледж, окончив его, оказалась в Одесском мединституте. С тех пор прошло много времени. И когда сегодня раздался звонок и из

трубки приятным голосом сообщили: «Это Катя... я уже четвёртый курс окончила», Можайский только удивился тому, как быстро пролетело время.

Сейчас, лёжа в постели, он пытался представить ту девочку и сегодняшнюю студентку, угадать, как она могла измениться. Каждое явление, каждая отдельная личность у него легко укладывалась в определённую им формулу. Можайский с иронией относился к крестьянам. Перемены, произошедшие в обществе с приходом демократии, позволили ему укрепиться в своих убеждениях. В прежние времена выходцам из народа были открыты все двери, и это, как он считал, погубило общество, пронизало червоточиной и уничтожило великую страну. Теперь же всё стало на свои места. И вот, сельская родственница поступила в медицинский институт в Одессе и даже успешно окончила четвёртый курс. Можайский внутренне соглашался с тем, что двоюродная сестра его жены красивая, всегда художественно причёсанная, имеет вкус в одежде, обуви и даже много читает. Всё это вписывалось в его представление, каким должен быть образованный сельский доктор. Более того, он отмечал её привлекательность и в разговоре с женой не скрывал этого, заслуженно отмечая достоинства провинциалки. При этом с силой давил в себе пробивающийся росток симпатий к этой угловатой, но всегда со всеми приветливой, казалось, вечно весёлой девочке. На неожиданно осенившей мысли – встречая на вокзале родственницу, как он узнает её повзрослевшую – Можайского, наконец сморило снотворное.

В воскресенье, в семь часов утра, Леонид Михайлович выпил кофе и прошёл к жене сказать, – едет на вокзал. Больная спала. Он поцеловал её в жёлтый лоб, положил руку на голову и, вздохнув, вышел. На улице накрапывал весенний, прямой дождь и одновременно светило солнце, кое-где переливаясь радугой в прозрачных каплях. У калитки уже ждало такси. Они доехали быстрее, чем планировал Можайский, и потому он попросил водителя оставить его у памятника Сергею Лазо, для себя решив прогуляться оставшееся время. Дождь прекратился, и асфальт на глазах высыхал. «Одновременно плачет и смеётся, – подумал Можайский о природе, выбираясь из машины, и мысленно добавил. – Так и я сейчас».

Нагрывшее на прошлой неделе неожиданное похолодание в начале мая отступило. Весна, словно нагоняя время, быстро распустила почки, вмиг одев деревья и кусты сочной зеленью. За несколько солнечных дней серые газоны покрылись лёгкой травой. Проходя мимо парка с соснами, Можайский вдохнул полные лёгкие – хвоя весной пахла сильнее. На земле между прошлогодними сухими иглами, суетились большие, рыжие муравьи, а из глубины парка слышны были птичьи голоса. Особенно поразила Можайского гармония, с которой просыпалась после зимней спячки природа. Мягко шумели деревья, покачивая своими золотыми от утреннего солнца ветвями. Вспорхнула и сейчас же скрылась среди ветвей разноцветная сойка. И опять Можайский слышал только собственные шаги. Весной дышится, как на улице после табачного и винного запаха ресторана. Он снова наполнил лёгкие свежим воздухом и от нахлынувшего блаженства закрыл глаза.

«Люся верит в загробную жизнь, – неожиданно пришла ему мысль. – Каждый день молится и всё-таки страшно мучается. Говорят, на свете во всем гармония, – Леонид Михайлович остановился, всматриваясь в весну. – Может быть, но контрастов больше. И самый ужасный контраст – Люси должно не стать на этом свете».

Леонид Михайлович, чтобы сдержать слёзы, ускорил шаг. Парк сменился новостроем, который безжалостно напознал на небольшой уголок природы. То ли стройка повлияла, то ли и правда увеличился поток машин, но от их грохота и интенсивного движения он даже поморщился.

Вдали послышался сначала один, а потом другой гудок поезда.

«Интересно, это поезд ушёл или прибыл? – терялся в догадках Можайский, взглянув на часы. – Скорее всего маневровый гоняет туда-сюда. К приходу дизеля успеваю. Не может же поезд прийти раньше расписания. Хотя, в наше время он может всё, что взбрёт в голову

машинисту или диспетчеру. Может и вовсе не прийти, – Можайский снова сверил время. – Успею посмотреть, что там наваяли власти. На днях встречался в кафе с Робертом Западнским, и тот советовал ради эстетического интереса взглянуть на этот памятник нового веяния с душком. – Мужчина ускорил шаг. – Надо поторопиться. После встречи Кати некогда будет по памятникам ходить».

Леонид Михайлович быстрым шагом обошёл привокзальную площадь. Несомненным плюсом современной реконструкции было то, что привели в порядок газоны, тротуары и лавочки. Получился светлый и красивый сквер. «Такой чистотой не стыдно встречать приезжих, – про себя отметил он». От самой скульптурной композиции ожидал большего, но не пришлось воспользоваться советом Роберта и насладиться эстетикой нового следа новой власти. Леонид Михайлович иронично улыбнулся. Подобные «памятники» только в меньших, человеческих размерах, он видит часто под кустами, за углом дома, на тротуарах, последнее время, из-за массового наплыва в столицу сельских жителей, такие «памятники» всё чаще стали появляться и в подъездах многоэтажек.

Входя в здание вокзала, Можайский ещё раз обернулся на сквер и покачал головой: «Может, скульптор и прав, – с горечью согласился он. – Вся система была настроена так, чтобы человека превратить в говно. Если в этом состояла задумка, то почему же дерьмо устремлено ввысь? Надо было направить парашют по нисходящей, а они снова всё перепутали».

«Как бы там ни было, – размышлял Леонид Михайлович, прогуливаясь по перрону, – но станет легче, не придётся самому готовить три раза в день еду. Опять же утюжка ляжет полностью на сестру. Для Люси больше удобств – с сестрой ей комфортнее за собой ухаживать. И так, всё обошлось славно, но с сестрой будет полегче».

В какой-то момент Можайский даже ощутил некоторое волнение и всё чаще стал поглядывать на часы. От приезда Екатерины он ожидал слишком многого. Ему вдруг стало казаться, жена сейчас же начнёт поправляться и, может, выздоровеет совсем.

Встречающих на вокзале было мало. Полицейские скучливо стояли у своего участка, и носильщики не спешили на платформу, а стали выходить только после того, как динамик объявил о том, что поезд заходит на третий путь. Паровоз и багажный вагон точно ворвались справа и пронесли мимо, каждый следующий вагон уже проплывал медленнее.

Зашипели тормоза, поезд дрогнул и остановился. Носильщики лениво толкали перед собой тележки, и по взглядам было видно, они особо не рассчитывают на клиентов.

В одном из окон Можайский увидел знакомое лицо, и оно тут же заулыбалось. Людей выходило мало, и потому Леонид Михайлович поднялся на площадку вагона. Они встретились как старые знакомые. К неожиданности Можайского Катя передала ему сумки и крепко расцеловала. «Вот так вот, по-сельски, – про себя ухмыльнулся он».

– Ты совсем не изменился, – воскликнула она и подумала: «Как он пожелтел, и мешки под глазами появились, спит мало, или почки не в порядке, – сразу сказался врачебный практикум». – Где твоя машина?

– Я без машины, – Можайский с интересом разглядывал шуструю родственницу. – Сейчас такси возьмём.

К их приезду семья уже проснулась. Увидев гостью в прихожей, дети завизжали от восторга и тут же полезли целоваться. «Как заправские сельские жители, – иронично подметил Можайский и, поставив чемодан, вернулся к калитке за сумками».

Когда Леонид Михайлович зашёл в комнату супруги, то увидел обеих женщин сидевших на кровати, обнявшись. Людмила Ивановна по случаю приезда сестры надела цветную кофточку и была возбуждена от радости. Можайскому даже показалось – лицо у супруги просветлело. И снова у него затеплилась надежда, может, перемена обстановки, приезд сестры, в конце концов, этот кислородный удар, сделают своё дело и организм сможет противостоять,

сможет ухватиться за жизнь. Ведь есть же такие случаи? Почему он должен обойти его супругу? «Срочно! На природу! – забилось у него сердце возбуждённо».

День, наполненный событиями, сильно утомил Людмилу Ивановну, и она попросила пораньше оставить её в покое. Можайский и Екатерина расположились в гостиной и долго разговаривали, советуясь, как они выстроят быт в лесничестве.

– Да, она сильно изменилась, – задумчиво протянула Екатерина, – я даже не ожидала. Теперь самое главное не терять головы. – И следующие слова, сказанные девушкой, Можайский слушал, всматриваясь в черты лица собеседницы и поражаясь зрелостью её рассуждений: – Когда нам вдруг станет невыносимо, мы должны будем вспомнить, такая жизнь, какой живёт Люся, тяжелее и страшнее смерти; но пока эту жизнь должны мы скрашивать насколько возможно. Это священный крест для тебя, Лёня. Запомни, такое выпадает не каждому. Только избранным, – Катя ненадолго задумалась и продолжила: – Прежде всего, необходимо всем вести себя так, чтобы она уверилась в том, что до конца ещё очень далеко. Если Люсе станет вдруг совсем плохо или случится последний кризис, то будем говорить, – она простудилась, и вообще отвлекать её от мыслей о болезни. Будем попеременно читать ей вслух, сообщать всякие новости о близких ей людях... Скорее бы переехать, чтобы все были рядом, и никто никуда не разъехался.

– На следующей неделе последний звонок, сразу и переедем. Часть вещей можно перевезти на днях. Всё равно всё сразу в машину не уместим, – Можайский чувствовал, как заряжался рядом с этой энергичной девушкой со светлым взглядом. – Мне и самому отдохнуть хочется. Измучался.

– Вижу. Выглядишь ужасно, – подтвердила Екатерина и осеклась.

– Ты же сказала – я не изменился? – поймал на слове родственницу Можайский, и они рассмеялись.

– Еще она страшно волнуется за будущее детей, – тут же посерьёзнев, продолжила Катя.

– Дети учатся хорошо, способные, послушные, – стал заступаться за детей Леонид Михайлович. – Рано или поздно выйдут в люди. И я рос без матери... – Можайский встал и заходил взад и вперёд, пытаясь скрыть нахлынувшие слёзы.

Екатерина опустила голову на колени, чтобы не смущать его, и ждала, пока тот успокоится. Часы пробили полночь.

– Пойду спать, устала, – сказала она и, не взглянув на Можайского, удалилась.

Можайский молчаливым взглядом проводил родственницу, втайне благодаря её за тактичность. Постояв посреди комнаты, и он отправился к себе. Дети уже спали. Из ванной донёсся шум пущенной воды. Леонид Михайлович стал на подоконник, отворил окно и, высунулся по пояс, несколько минут дышал свежим ночным воздухом. Потом он вспомнил, не взял из гостиной пепельницу и сигареты, и пошёл за ними. Екатерина уже помылась и в ночнушке стояла в гостиной перед зеркалом и причёсывалась.

– Фу, как ты меня испугал, – пробормотала она, закрываясь руками.

– Прости, пожалуйста, я никак не думал, что ты уже успела раздеться, – Леонид Михайлович смутился и, быстро развернувшись, вышел из комнаты. – На журнальном столике пепельница и пачка сигарет, – дай мне их...

– Нужно спрашивать, – недовольным голосом ответила Екатерина и просунула через дверь руку с пачкой сигарет.

«Да, неловко вышло, – нервно почесав затылок, укорялся Можайский, чиркнув спичкой и закуривая. – Какая она эффектная с распущенными волосами. Сколько же у меня не было женщины?»

Ночью ему приснилась Екатерина с распущенными волосами и голыми руками и будто он целует её. Леонид Михайлович проснулся среди ночи и, разозлившись на себя за этот сон, закурил и долго лежал на спине. До самого утра уже не спалось.

Первого июня, не откладывая и не ломая планов, семья перебралась в Кодры. Домик лесника находился в тридцати километрах от Кишинёва по Леушенскому шоссе, состоял из четырёх небольших комнат и просторной веранды, от пола до потолка в стекле. Людмиле Ивановне приготовили отдельную комнату с окном во двор. Катя и Таня поселились вместе. Леониду Михайловичу с сыном досталась комната с окнами в лес. Четвёртую – отвели под кухню, тем более там и так стояла буржуйка и плита с газовым баллоном. Веранду обустроили под столовою, для этого со всего дома собрали стулья и установили большой стол из комнаты. И всё бы хорошо, но портила настроение погода, и потому долго не могли почувствовать себя уютно. Июнь подходил к середине, а дожди не прекращались. По вечерам бывало сыро и страшно в одиноком домике среди ночного леса. Домочадцев настораживал постоянный, круглосуточный шум – то ли от дождя, то ли от деревьев – не разберёшь. Пару раз Можайский выезжал в Кишинёв, чтобы пополнить запасы продуктов. В эти часы на всех нападало уныние, которое взрывалось всеобщим ликованием, когда глава семейства возвращался с разноцветными кулками разных вкусов.

Наконец к середине июня установилась жаркая, по-настоящему летняя погода. И тут новая напасть – тьма комаров! Первую ночь после знойного дня в доме не выключали свет. Комары атаковали со всех сторон, спать было невозможно, и все решили бодрствовать. Сначала жгли сухие сучья на улице, когда всё, что попало под руки, сожгли, перешли в дом и затопили буржуйку, только чтобы чадила. В этом помогли сырые дрова. К утру семейство пропахло дымом, но комары продолжали атаковать. С первыми лучами солнца Можайский отправился в город за таблетками от комаров, а измученные и истощенные дети и женщины разбрелись по своим местам и уснули.

С установившейся погодой, после города и длительных дождей семья, наконец, повеселела и расположилась к полноценному отдыху. Людмила Ивановна с утра и до вечера сидела в кресле, выставленном под навесом, служившим прикрытием для заготовленного сена, и каждому, кто проходил, рассказывала, как чувствует себя великолепно и оживает вместе с природой.

Можайский, Екатерина и дети старались угадывать всё, что она хочет, и делать ей только приятное. Екатерина оказалась неутомимой труженицей, взвалив на себя все обязанности по устройству быта, и дополнительно ещё ухаживала за сестрой. Она так ловко управлялась, что освободила всех от забот, предоставив семье возможность больше общаться и проводить время в отдыхе.

Мишка и Таня по утрам отправлялись заготавливать сушняк. По наставлению матери они периодически выкрикивали из леса: «Мама! Мы здесь!» Людмила Ивановна, услышав голоса детей, улыбалась, но продолжала прислушиваться, и как только раздавался на всю округу звонкий лай, она одобрительно покачивала головой.

Ещё в период дождей к подворью лесничего прибил пёс. Он прятался под навесом, скрутившись калачиком и даже прикрывая нос хвостом. Первым его заметила Таня. Пробегающая по мокрому дощатому настилу к туалету, она поскользнулась и, едва не упав, весело вскрикнула. Тут-то собака себя и обнаружила, выскочив из укрытия. Оба испугались ещё сильнее и рванули наутёк в разные стороны – Таня в дом, а шавка в лес.

– Папа, папа! – восторженно звала Таня. – Слушайте все! У нас завелась собака!

Всё семейство высунулось кто куда – в окно, в двери, стараясь разглядеть животное. Можайский выскочил на улицу и даже попробовал отыскать пса.

– Фьють, Фьють! Тц, Тц! – промокнув до нитки, Леонид Михайлович констатировал: – Наверное, удрал.

– Что ж ты, Танька, – укорил сестру Михаил. – Надо было ловить. Был бы у нас сторожевой пёс!

– Сам иди и лови, – огрызнулась та. – Видел бы ты этого сторожевого пса.

То, что во дворе есть собака, всех обрадовало, и разговору хватило на весь остаток дня. Нет-нет, кто-то подходил к окну, чтобы выглянуть и удостовериться – вернулась собака или нет.

С окончанием дождей, объявился и Танин беглец. В этот раз первым обнаружил пса Мишка. Выскочив рано утром во двор, он пулей влетел назад.

– Танька! Танька! Вставайте! – вопил на весь дом мальчишка. – Твоя собака вернулась.

Семейство посрывалось с кроватей и высыпало на улицу. Посередине двора сидел он, словно ожидая – когда же люди проснутся. Приблудившимся псом оказалась серо-пегая сука на коротеньких ножках и со странной вытянутостью туловища. Появление нескольких человек заставило собаку встать и приготовиться в случае опасности удрать, но даже по её морде было видно – она этого не хотела бы делать – и когда Леонид Михайлович протянул руку с кусочком вареной колбасы и просто сказал:

– Жучка, на, иди сюда.

Новоявленная Жучка, склонив голову, подошла и приняла ароматный, с корочкой от прожарки, ломтик колбасы. В благодарность, новый член семьи весело завил хвостом. Так был налажен контакт с первым животным, и в семье появилась собака по кличке Жучка.

– Когда бог делал собак, по-видимому, на тебе Жучка, решил отдохнуть, – пошутил Леонид Михайлович, разглядывая несуразный облик дворняги.

Жучка тут же приняла на себя обязанности охранника. Ночью она располагалась на веранде, а днём – на крыльце, как настоящий сторожевой пёс. С какой бы стороны не доносились странные звуки, Жучка тут же схватывалась со своего места и неслась навстречу, чтобы облаять, но пределов двора не покидала. Сделав свою работу, с достоинством подняв голову и виляя хвостом, она возвращалась на место.

Сразу став верной спутницей, Жучка всех сопровождала, куда бы кто ни шёл. Особое удовольствие ей доставляло ходить по утрам с ребятами собирать дрова. Её лай доносился одновременно из разных мест.

Два раза в неделю Леонид Михайлович ездил в столицу за продуктами. Жучка провожала автомобиль до асфальтовой развилки. Она так ловко бежала впереди машины и перебегала из стороны в сторону, что Можайский притормаживал, боясь не задавить собаку, но та всегда оказывалась впереди и, остановившись, оглядывалась – мол, чего остановился? Когда же машина хозяина выезжала на асфальт, Жучка садилась на обочине и не уходила, пока машина не скрывалась из виду. Только тогда отправлялась обратно.

– Вы представляете, – изумлялся Можайский, вернувшись с покупками из города. – Жучка встречала меня у трассы. Неужели она всё это время просидела на обочине?

– Да нет, только что бегала по двору, – тоже удивилась Катя.

– Как же она почувствовала, что я сейчас приеду? – ещё сильнее озадачился Леонид Михайлович, но с этого дня Жучка стала авторитетом в семье. Каждый старался подбросить ей лучший, лакомый кусочек. Людмила Ивановна тоже припасала ломтик колбасы, откладывая его на краешек стола. Жучка, как привязанная следила за ним, от нетерпения потягивая или повизгивая, но было видно по её пучеглазой морде – ей по душе такая хозяйкина забава. Завершив еду, Людмила Ивановна двумя пальцами поднимала лакомство и подавала команду:

– Жучка, иди сюда, – и похлопывала себя по колену.

Едва сдерживая прорывающийся от восторга лай, Жучка вскакивала на задние лапы, а передними на указанное место и замирала, ожидая, когда хозяйка поднесёт к её пасти ароматное кушанье. Принимала Жучка еду так, словно она была обжигающая, с только что шкварчащей сковородки и, вмиг проглатывала.

– Ох, проказница, – корила шавку Людмила Ивановна, а той этого только и надо было. Она устремлялась по большому кругу вдоль всего двора, звонким лаем оглушая всю округу.

– Вот оно собачье счастье, – наблюдая за происходящим действием, с улыбкой говорил Леонид Михайлович.

Иногда по вечерам, особенно в выходные дни, из долины, слышалась музыка. По-видимому, горожане выезжали в лес отдохнуть компанией. Бывало, взлетали ракеты и потом лопались под самыми звездами. Но обитателям домика лесника не было дела, ни до этого шума, ни до людей, производивших его. Правды ради, все выходили во двор, чтобы посмотреть на салют.

Обычно Людмила Ивановна вставала рано и ложилась сейчас же после захода солнца вместе с детьми. Иногда к ней присоединялась и Екатерина, но, проворочавшись пару часов, снова одевалась и выходила на крыльцо.

Услышав знакомые шаги, Можайский сначала глядел на Катю через открытое окно, а потом брал накидку и шёл к ней. Они садились рядом на качели и долго разговаривали, тихо покачиваясь. То он задавал ход качели, отталкиваясь ногой, то она, едва коснувшись земли носком, ускоряла темп качельному маятнику.

– Ты вот о моих детях и жене заботишься, словно они тебе самые близкие существа, и читаешь много, но на селянку ты совсем не похожа.

– Почему?

– Да так. Манеры у тебя хорошие, ты ни на кого не шипишь, со вкусом одеваешься, и даже духами от тебя пахнет приличными, – Можайский умолк, чтобы выровнять эмоции, он боялся выдать свой восторг к этой девушке. – Я не люблю селянок.

– Я это заметила, – улыбаясь, сказала Катя.

– Они словно цепные собаки, бросаются на человека за каждое несогласное с ним слово. Всегда угловатые, – Леонид Михайлович взглянул на Катю и, увидев её улыбающиеся глаза, запнулся, но всё-таки продолжил. – Угловатые во всём – в поступках, в словах, в мыслях. Всегда с искривленными каблуками и пахнет от них скверно. Даже не пахнет, а прёт вонючей мешаниной пота, дезодорантов и несвежих блузок.

Екатерина рассмеялась. Её блестящие глаза лучились теплом и искренностью. Леонид Михайлович увидел в её взгляде, – Катя догадалась о его не совсем равнодушном отношении к ней, и ему стало неудобно, даже по-мальчишески стыдно. Он отвернулся, пряча залившееся краской лицо.

– Ты не понимаешь, в чём дело. Это совсем не потому... – украдкой начала Катя отвечать на его тайные чувства и сама испугалась. – Я лично, – неожиданно громко произнесла она, и Можайский обернулся. – Например, из дома, от родителей получаю каждый месяц тысячу гривень, плюс стипендия шестьсот. Мама собирает огромную сумку с продуктами, а это значит, не надо тратиться на еду. Я могу себе позволить не думать о достатке и учиться. У большинства наших студентов и половины таких возможностей нет. Если и есть, очень небольшая, доля правды в твоих словах, то потому что не только нравственные мещане, но даже доктора ходят с такими «ароматами», что можно упасть рядом с ними. А сельский человек всегда бьётся активнее за жизнь в городе. Вы так их бедных «затюкали», что они в каждой пустой фразе ожидают нападения, но сами они ни на кого не бросаются, я в этом тебя уверяю. Многие наши девочки хотели бы стать женами и матерями, и поверь, они могут ими быть не хуже, чем ваши городские, а может и лучше. Сельскому человеку трудно беспристрастно разобраться в таких вопросах, как любовь, личное счастье... – Катя умолкла и наступила тяжёлая пауза. Можайский обдумывал последние слова. Он был уверен – это она ответила на его симпатии.

– А что касается каблуков, – весело продолжила Катя. – Так это оттого, что приходится носиться с лекции на лекцию, а зачастую и через весь город, чтобы успеть на пару в другом корпусе. Многие вынуждены снимать комнату в квартирах со стариками, и поэтому одежда часто пахнет плесенью или, чего ещё хуже – нафталином. По своему опыту знаю, студентке быть всегда любезной очень трудно, нет времени на все стороны расшаркиваться, а хамов на каждом шагу хватает.

– Да, это так, – согласился Можайский.

– Значит, нравственная физиономия человека далеко не всегда характеризуется тем, к какому слою общества он относится. Кто это помнит, тот всегда будет справедливым к окружающим.

«Вот и попробуй с ней разговаривай, если она такая разумная», – восторженно разглядывая Катю, восхищался он собеседницей.

Случалось, Можайский уже не слушал её, а только чувствовал возле своего плеча теплоту её тела, отделённого одной легкой блузкой, и думал: «Ведь я же невиноват, если мне с нею так хорошо, ведь я же невиноват». В такие моменты он мог бы совершенно искренне себе ответить, – в нём не горит тайное желание рано или поздно овладеть Катей как женщиной. Любит он в ней больше человека, умного и отзывчивого, и прежде всего, как родственницу – сестру жены».

И на совести становилось чисто и спокойно.

Наговорившись, расставались иногда под утро. Однажды заснули сидя на качелях и заматавшись в один плед. После обычных бесед, попрощавшись, Можайский уходил в свою комнату и часто не ложился спать, а до самого рассвета сидел у окна и думал. Смотрел, как розовели при восходе солнца стволы сосен, слушал, как ворковала где-то далеко горлица, и ему не хотелось двигаться с места.

И всё-таки совесть его иногда мучила до буйства. Было стыдно от сознания того, что в то время как доживает свои дни жена, невыразимо страдая физически и нравственно, – ему хорошо от общения с молодой женщиной и он почти счастлив.

В хорошую погоду, до захода солнца, ужинали во дворе. Усаживали Людмилу Ивановну в кресло, подоткнув со всех сторон подушками, и тогда всё семейство принимало участие в разговорах или играли в карты. Во все азартные игры всегда выигрывала Людмила Ивановна. Её победы встречались восторженно. Даже Жучка вскакивала со своего места и начинала звонко лаять, тоже празднуя очередную победу Люси.

Как-то, после одного такого вечера, когда они с Катей обустроили на ночь Людмилу Ивановну и собирались оставить её, чтобы та отдохала, Люся попросила мужа:

– Лёня, задержишься, – она выглядела особо торжественно, и Можайский обратил внимание, как горят у неё глаза. – Что-то хорошее, естественное и искреннее есть в Кате, тебе не кажется?

– Она молода, – насколько было возможно, равнодушным тоном, согласился Можайский. – Мне бы её годы и заботы.

– Скоро конец? – после короткого молчания тихим голосом спросила Люся.

– Не понял, – Можайскому не лукавил, он и правда сразу не понял о чём спросила жена.

– Вы все себя так ведёте... – Людмила Ивановна не договорила, поперхнувшись подкатившими слезами, но быстро справилась с эмоциями. – Что врачи сказали – всё, конец? – и она в упор посмотрела на мужа.

Леонид Михайлович не ответил, а только взял руку жены и поцеловал, крепко сжимая.

– Все знают? – продолжала допытываться Люся, и голос её зазвучал твёрдо и уверенно.

– Никто, – покачав головой, тихо ответил Леонид Михайлович.

– Ладно, иди. Устала я, – и, надсадисто закашлялась.

– Ты хотела поговорить? – Леонид Михайлович уловил недоверие в тоне супруги.

– Устала. Иди, – едва силясь, махнув рукой, Людмила Ивановна закрыла глаза и одними губами проговорила: – Дети её любят, она могла бы меня заменить.

– Ты что-то сказала? – последние слова супруги спешащего удалиться Можайского застали в дверях, и он не расслышал, но Люся не стала повторять.

Уже за дверью Леонид Михайлович виновато пожал плечами, ему было приятнее говорить с Катей, и тогда он испытывал настоящее удовольствие, за которым соскучился. Для него стало потребностью погулять с ней после ужина по тёмным тропинкам леса, а потом покачаться на качели, ощущая её прикосновения.

Июль пролетел незаметно. И если ещё в начале лета семья искренне поддерживала Людмилу Ивановну и у всех даже появилась надежда на чудо, то с каждой новой неделей все видели – дело близится к развязке. Людмила Ивановна больше не походила на прежнюю Люсю, даже на ту какой её привезли на природу.

Как-то за завтраком, больная снова завела разговор о том, как чувствует себя хорошо и силы, словно приливают к её телу.

– Мне вот двигаться тяжело, а так я совсем чувствую себя хорошо, – глядя с улыбкой на сестру, заговорила Люся. – Могу даже подряд сделать три, а то и четыре шага.

И всё бы ничего, но неожиданно Людмила Ивановна тихо закончила:

– Вот только, что-то горло болит, это от того, что после захода солнца я долго засиделась вчера.

От этих слов Катя и Леонид Михайлович переглянулись. Девушка укоризненно покачала головой.

Вчера, отправляясь на прогулку, они увлеклись разговором, и зашли далеко, и как бы ни поторапливала их Катя, опоздали вовремя занести в дом Людмилу Ивановну, и она успела продрогнуть. Настроение, заданное во время завтрака, поглотило весь день, который вышел наперекосяк.

Екатерина целый день передвигалась по дому потерянной. Она отказалась идти гулять со всеми. На вопрошающий взгляд Можайского с натянутой весёлостью объявила:

– Мы с Люсей побудем, – и, обняв сестру за шею, добавила. – Нам есть о чём посеCRETничать.

Леонида Михайловича разозлило, как он сразу определил, женское коварство, но он решил не отказываться от намеченной прогулки. Закинув Мишке на спину рюкзак с припасами и водой, он быстрым шагом отправился прочь со двора. Дети последовали за ним.

– Пап, мы не быстро идём? – время спустя поинтересовалась Таня.

– Почему быстро? – Леонид Михайлович замедлил шаг. – Гуляем, как обычно.

– Скучно без Катьки, – тихо сказала Таня.

– Почему скучно? – воскликнул Можайский. – Совсем даже нет. Погуляем и сами, – неожиданно грубо отрезал он, но сдержался, чтобы не сказать ещё что-нибудь злое и мягче добавил. – С мамой тоже надо кому-то побыть.

Сегодня, как и обыкновенно, дошли до самого холма, которым оканчивалась лесная тропа. Медленно обошли его, постояли с той стороны, полюбовались видом долины, и направились обратно. Прогулка подействовала на настроение Можайского. Бурлившие эмоции поуспокоились, и в душе установилось смирение и торжественная тоска. Он никак не мог сообразить, почему ему были так милы и запах травы, и бархатный шум леса и даже бескрайняя долина, припущенная утренним туманом. Он невпопад отвечал детям, чем вызывал у них смех. С таким настроением они к полудню возвратились в лесничество.

После обеда, когда все домашние разбрелись по комнатам отдыхать, а Катя мыла посуду на кухне, Можайский зашёл к ней.

– Что это с тобою сегодня случилось?

– А утро прошло мимо тебя? – с вызовом посмотрела на него Катя. – Оставь меня. Иначе я начну ненавидеть тебя, так же как сейчас ненавижу себя.

– Катя, – попытался возразить Леонид Михайлович, но девушка не стала его слушать. Она быстро обтёрла руки от пены и выскочила во двор. – Не прошло, – тихо закончил Можайский, с тоскою провожая в окне удаляющуюся фигуру Кати.

«О чём они говорили всё это время? – озадачился Можайский. – Может Люся о чём-то догадывается и ревнует? Могла сказать ей что-нибудь», – мелькнуло у него в голове, и он почувствовал, как прилила кровь к вискам. Леонид Михайлович схватил платок и пошёл догонять Катю.

Девушка сидела на стволе упавшего дерева, неподалёку от лесничества. Леонид Михайлович ещё издали увидел её, обхватившую себя за плечи. Он бережно накинул на неё платок и сел рядом.

– Когда ты решил, что будешь счастлив именно с ней и за что её полюбил? – после некоторой паузы, задумчиво произнесла Катя.

– Во-первых, она бесконечно добрый человек. Во-вторых, она нравилась мне как женщина, и мне хотелось те поцелуи и ласки, которые я себе позволял, сделать вечными, во всяком случае, долгими.

– Расскажи мне, как ты полюбил Люсю, как женился, как делал предложение, ну, как произошло у вас это? – Екатерина прислонилась к мужчине и положила голову на плечо, приготовившись услышать, что-то, может быть, очень важное для неё.

– Ну... ну, вообще, я думаю, полюбил её потому, что полюбило сердце. Хочешь, считай меня легкомысленным, но я верю, в этих случаях решающее значение имеет не разум, а инстинктивное влечение к избранному человеку. И, конечно, отсутствие брезгливости. У меня сразу, с первого дня знакомства, не было к Люсе брезгливости.

– Разве можно так натуралистически относиться к любимому человеку? – задумчиво протянула Екатерина, вздрогнув обоими плечами, и сильнее закуталась в платок. – Может это и так, – снова задумчиво заговорила Екатерина, – но женщина, когда любит, готова заплатить за эту любовь всегда и всем, включительно до жизни.

– Согласен с этим и я. Значит, так или иначе, – любовь самое дорогое и для мужчины и для женщины.

– Да, – почти одними губами ответила девушка.

«Значит, Люся здесь ни при чём», – утвердился Можайский и вздохнул свободнее.

– Открыто об этом не скажешь, – начал он, – но многие мелочи учитываются с помощью брезгливости. Желает этого человек или нет. Если бы ты испытывала ко мне брезгливое чувство, разве позволила бы сидеть рядом? – Леонид Михайлович сам не ожидал от себя такого сравнения и, сказав, затаился. Ему казалось сердце выскочит из груди, а Катя тянула с ответом.

– Я с этим тоже согласна и сегодня в особенности это почувствовала, – голос Екатерины задрожал. – Любовь – это не то большое, что имеешь вначале, а то, малое, что донёс до конца.

– Донесём... – едва смог проговорить Можайским, пересохшими губами.

Они сидели молча, боясь даже прикоснуться друг к другу, чтобы не спугнуть то, чувство, которое только что обнаружилось, обнажилось своей правдой и которое можно было бы уничтожить одним неверным прикосновением, даже вздохом.

– Папа! Люся! – послышались приближающиеся голоса детей.

– Нас ищут, – сказала Екатерина, – идём.

– Мгм. Да, пора.

Можайский, не спешил вставать. Он подождал, пока Екатерина скроется из виду. И когда услышал голоса встретившихся детей и Кати, быстро пошёл их догонять. К дому они подходили все вместе. Пропуская Катю в дверь, Можайский прихватил её под локоть и тихо спросил:

– Ну, а какого мужчину желала бы ты себе в мужа?

– Даже не знаю... Трудно так сразу, – растерявшись на мгновение, произнесла она, но и тут же весело добавила: – Хотя бы такого, как ты! – и рассмеялась громко, даже истерично, так показалось Можайскому, потом снова вздрогнула обоими плечами, притянула сильнее платок и ушла.

В этот день Людмиле Ивановне было особенно плохо. Все домочадцы измучались и условились ночью дежурить по очереди и по часам.

Вечером Катя не вышла. Можайский долго сидел один на качели, только Жучка составляла ему компанию. Ближе к полуночи поднялся ветерок. Полная луна ярко освещала окрестности. Набежавшие облака ключьями тянулись по небу, светлели возле полной луны, темнели и опять прятались за верхушками сосен. Тени рябили по земле, как волны, покрывая всё вокруг то синеватыми, то фиолетовыми пятнами. Макушки деревьев зашумели, как море. Жучка мирно дремала у ног, только изредка вскидываясь на шорохи. От яркого лунного света глаза у неё горели жёлтыми огоньками. Собака, чувствуя настроение хозяина, ограничивалась рычанием, а не как обычно – звонко гавкала, и голос её эхом разлетался по макушкам деревьев. Тоска обуяла Можайским. Он отдавал себе отчёт в том, что последнее время только возле Екатерины ему делалось спокойно, и мысли шли правильно. Слёзы сами полились ручьями, и Леонид Михайлович не противился эмоциям, согласившись с тем, что давно хотелось выплакаться и лучшего случая, чем в одинокую ночь, не представится.

Неожиданно кто-то положил ему на плечо руку. Это была Катя, Можайский догадался, но не пошевелился, боясь выдать свою слабость, а слёзы предательски полились ещё сильнее, застилая глаза. Катя притянула его голову к себе, и он беспомощно уткнулся мокрым лицом ей в живот, и больше не мог сдержать нахлынувшее судорожное вздрагивание. Катя молчала, давая мужчине освободиться от слабости, только крепко прижимала его голову к себе. Успокоившись, Можайский отвернулся, чтобы привести себя в порядок и обтереть лицо. Екатерина села рядом и, вздрогнув от зябкости, прижалась к нему. Он обхватил её, накинув отворот телогрейки, и качнул ногой качели.

Можайскому стало страшно от осознания того, что внутренне он уже простился с женой навсегда и Катя в этом расставании ни при чём.

Людмилу Ивановну разбудил приступ кашля. Она пошарила возле себя по столику, стараясь отыскать стакан с холодным отваром, зацепила его локтем и опрокинула. Стакан упал и зазвенел по полу.

Когда кашель немного отступил, она встала с постели и, опустив худые, как кости, ноги в войлочные тапочки, хотела дойти до двери, чтобы кого-то позвать, но после пары шагов у Людмилы Ивановны закружилась голова, и она села на холодный пол, поддерживая себя кулаком. Мышцы отказывались держать большое тело, и женщина повалилась на бок, вытянувшись во всю длину изможденного тела. Зелёный луч луны, точно шнурок, тянулся сквозь щель занавесок и скользил по белой женской ночнушке. Пронзительно, не умолкая ни на одну секунду, пищали комары и умолкали только, чтобы напиться крови.

– Та-не-чка... – попробовала больная окликнуть спавшую в соседней комнате дочь.

– Ми-ша-а-ня...

Собравшись с силами, она доползла, наконец, до окна и постаралась ударить по стеклу. Остаток сил был потрачен и рука только смогла лечь на стекло. Людмила Ивановна прислушалась к ощущениям – она не чувствовала ни прохлады ни тепла стекла. Зеленоватый луч расплылся по полу в широкий лоскут. В окно были видны покачивающиеся качели и на них две белые фигуры, прикрытые одной телогрейкой.

«Если бы теперь воздуху, – думала Людмила Ивановна, – если бы я могла отворить и раму!.. Вдохнула бы и стало легче. Они там вдвоем, а я никогда, никогда ничего подобного не буду переживать. Нужно окликнуть их. Хотя бы разбить стекло». Она оперлась телом о подоконник и изо всей силы ударила по стеклу, но удара не получилось, рука только скользнула. Больная заплакала и, медленно опустившись на колени, снова свалилась на бок, щекою прилепившись к полу.

«Господи, пошли смерть, только смерть, – может быть, я не верю в Тебя так, как нужно, но послушай меня, исполни последнюю мою просьбу, пошли смерть», – молилась мысленно Людмила Ивановна.

Зазвенело в ушах, и комната, вместе с лунным светом, медленно поплыла вокруг. Трудно было понять, какой это тёмный предмет лежит возле самого лица, и нет сил сообразить, почему во рту стало вдруг тепло и солоно, а в ногах и руках сладко...

– Послушай, кажется, Люся в окно стучит, – встревожившись, сказала Екатерина и, откинув руку Можайского, соскочила с качели.

– Тебе показалось, – всматриваясь в темноту окон, попытался успокоить родственницу Леонид Михайлович. – Этого быть не может. Она спит.

– Смотри, что-то белое по окну скользнуло. Вон в окне! – вскрикнула Катя. – Она смотрит. Бежим.

Он тоже заметил. Ужас сдавил голову Можайскому, и перехватил дыхание. В мгновение они были в комнате Людмилы Ивановны. Между ногами проскочила Жучка.

– Где этот выключатель? – нервно шаря по стене, охрипшим от перенапряжения голосом, спросила Катя.

У Можайского и самого руки тряслись. Он тоже долго не мог найти выключатель, то и дело, сталкиваясь с прохладной девичьей ладонью. Леонид Михайлович поймал Катину руку, и они вместе остановились на выключателе. Наконец свет озарил комнату, и лунный лоскут на полу пропал. Леонид Михайлович резко притянул к себе девушки и, крепко сжал в объятиях.

– Ты чего? – не поняла Катя, пытаясь высвободиться из несвоевременных прихотей.

– Не оборачивайся, – прошептал Можайский, обезумевшим взглядом уставившись в пол, за спину Кати и ещё крепче её удерживая.

В двух шагах от окна лежала с полураскрытым ртом и мутными глазами Люся.

Возле её лица чернела лужа крови; красноватая густая жидкость дотекла до валявшегося, недалеко от покойной, одеяла и расползлась в две стороны. Рядом с покойной лежала Жучка, устроив морду на откинутую в сторону руку и косясь в сторону дверей.

Назову тебя Марией

Рассказ

Мрак и темень Ога не пугали. Он не ощущал космического холода и не страшился высоты. Его забавляло, когда в самолётах, стюардессы объявляли пассажирам:

– Наш полет проходит на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус шестьдесят семь градусов по Цельсию.

– Кто такой Цельсий или что это такое? – озадачивался Ог, многозначительно скрещивая руки на груди, но, не вспомнив, по-доброму покачивал головой: – Так тому и быть, – выводил он одними губами, то ли соглашаясь, то ли забавляясь. – Пусть люди развлекаются.

Сегодня Ог решил провести досуг среди людей. Оглядел его со всех сторон этот ярко освещённый солнцем шар, выбрал место потише и, облачённый простым работягой, спустился в самый центр вечернего мегаполиса.

Ог разместился неподалёку от большого, красочно освещённого здания. Афиши, с обеих сторон его фасада, мигали разноцветными огнями. Люди, либо парами, либо шумными компаниями пробежали несколько ступенек и устремлялись внутрь здания. Огу нетерпелось присоединиться к ним. Его раздирало любопытство – куда же они спешат. Ему, вдруг, захотелось вот так же как эти простые люди с задором пробежать по ступенькам, звонко хохоча и даже подержать кого-то за руку. Но что-то удерживало Ога и он, в нетерпении топтался в своём

укрытии. Утешаясь тем, что видеть радость и счастливые улыбки на лицах людей, для него – Ога, куда дороже, чем самого себя наградить человеческими слабостями.

В глубине здания прозвенели три коротких звонка. Одиночные посетители встрепенулись, ускорили шаг и несколько пар молодых людей, на ходу снимая с себя верхнюю одежду. На какое-то время вокруг всё стихло. Даже яркая люминесценция, показалось Огу, загрустила. Он огляделся, решаясь покинуть своё убежище. Донёсшийся новый шум остановил Ога. Скрипнув тормозами и пыльнув у бордюра, стремительно подъехало такси. Из него выскочила прелестная девушка в плащике нараспашку и с развевающимся шёлковым шарфиком, и напрямик направилась к зданию.

– Опоздавшая, – довольный Ог, хитро прищурился.

Едва девушка скрылась в дверях и Ог наконец решил больше не задерживаться и последовать за ней, как из разных тёмных углов вышли мрачные люди. Одинаковая, тёмно-зелёная одежда, только добавляла зловещести их физиономиям. Среди них были женщины в чёрных, до пят, платьях, с закрытыми лицами такими же чёрными повязками. Все держали в руках, и даже женщины, автоматы. Не проронив ни слово, они слились воедино и одним потоком вползли в широкие двери сверкающего здания.

Ога насторожили люди в тёмно-зелёном, и он решил не спешить с визитом, а понаблюдать. Он остановил взгляд на одиноко стоящем дереве, выбрал ветку повыше и скрылся в её кроне. Замыкающий толпу черно-зелёных, с усилием разматал приготовленную проволоку и, скрутил ею входные двери изнутри. Основная зловещая масса, не задерживаясь прошла в зрительный зал, оставшиеся рассредоточились по вестибюлю, заглядывая в каждую дверь и даже под гардеробные пуфики. Один, с автоматом наперевес, подошёл к гардеробу, у которого сдавала плащ, опоздавшая, и застыл у неё за спиной, вперившись помутневшим взглядом. Девушка мельком бросила взгляд на незнакомцы и, быстро отвернувшись за номерком. Уже с нервной дрожью в руках она доставала из сумочки расчёску и торопливо прошла к зеркалу, чтобы только снова не встретиться взглядом со странным типом. «Что он делает в театре? – мелькнула у неё мысль». Она несколько раз прошла расчёской по волосам и никак не могла решиться закончить причёсываться. Присутствие гардеробщицы немного успокаивало, но от мысли, что придётся одной идти в зал, страх усиливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.